

ПРОЩАЙ КИТАЙ (ЦЗАЙ-ЦЗЯНЬ ЧЖУНГО)

Накануне отъезда я работал день и ночь, чтобы закончить сразу три статьи. И решил не отвлекаться даже на обед. Тем более, что за время стажировки китайская кухня мне порядком надоела. И все портил способ приготовления пищи – продукты обжаривались в кипящем кунжутном масле. Даже салат из нарезанных свежих овощной обязательно погружали на несколько секунд в кипящее масло. Вечером, когда преподаватели возвращались с работы, запах пригоревшего масла витал над университетским городком. Казалось, что этим запахом пропита даже моя одежда. Так что при моем избыточном весе пара дней голодовки пойдет мне только на пользу.

Американцы очень удивились, что я ничего не заказал на ужин и, думаю, что они беспокоились не о моем питании, а рассчитывали услышать очередной анекдот.

Маленьким, но мощным «воровским» кипятивником, который всегда брал в экспедиции и командировки, я вскипятил в кружке воду и заварил крепкий кофе. Налил полную чашку и сел за пишущую машинку. Вдохновение пришло сразу, и я успел напечатать почти две страницы текста, когда в дверь номера постучали.

В гости пришел Стив Лукас. В одной руке у него была гитара, в другой бутылка виски «Джонни Уокер».

– Я думал ты заболел, – виновато произнес он, – вот, принес лекарство.

Виски в бутылке оказалось на доньшке, и я понял, что это визит с намеком. Обычно Стив обменивал у меня «деревянные» юани на «золотые», на которые в валютном магазине «Дружба» покупал себе виски. А через неделю я уезжал домой.

Гость был не вовремя, но как радушный хозяин я дос-

тал из шкафчика бутылку французского коньяка «Наполеон», две рюмки и банку растворимого кофе. Стив как фокусник вытащил из кармана плитку горького пористого шоколада.

После второй рюмки Стив взял в руки гитару и спел несколько американских песен в стиле «кантри». Завтра был выходной день, и американец никуда не спешил. В конце концов, мы выпили коньяк и остатки виски. Поздно вечером Стив ушел, а я завалился спать, жалея о потеряном времени.

На другой день есть хотелось страшно, особенно после вчерашней выпивки. Но я устоял и вновь сел за пишущую машинку. К обеду одна статья была закончена. Голод терзал по-прежнему. Я отправился на рынок, где купил кусок свинины, лук, чеснок, помидоры и стручковый перец для соуса к спагетти. Китайские макароны ничем не хуже итальянских. Тем более, что макароны появились в Италии лишь в 17 веке, а китайцы придумали лапшу более двух тысяч лет тому назад. И рецепт их приготовления во всем мире одинаков – варить в кипящей подсоленной воде. А вот соусов к спагетти существует огромное множество и рецепты приготовления всегда пригодны для импровизаций. В Италии не уважают людей, которые за всю жизнь не смогли придумать ни одного соуса к спагетти. Поэтому, естественно, у меня, был собственный рецепт. Я обжаривал на сковороде последовательно кусочки мяса, затем шинкованные лук, чеснок, стручковый перец и мелко нарезанные спелые помидоры. Несколько минут выдерживал блюдо под крышкой и соус к спагетти был готов.

Когда я собрался как следует закусить перед началом работы над второй статьей, в дверь постучали.

В гости снова пришел Стив. Ну, совсем не вовремя. В руках он держал литровый штоф виски «Джонни Уокер», бутылку содовой и ведро со льдом.

– Вчера мы выпили твой коньяк, и я принес виски.

Стив уже успел слетать в город в магазин «Дружба» и затовариться своим любимым напитком.

Но в этот раз я категорически отказался от спиртного и предложил американцу отобедать со мной «чем бог послал». Он вовсе не расстроился. От соуса к спагетти Стив пришел в восторг и, уплетая макароны, повторял:

– This present spaghetti! (Это настоящее спагетти!)

Как раз накануне в свой день рождения жителей гест-хауса угощала Пэт – американка итальянского происхождения. Ревностная католичка она всегда произносила за столом обеденную молитву, исполняя роль священнослужителя. Соус к спагетти, который она приготовила, мне вовсе не понравился – он был резковат и кисловат. Но зато я увидел, как надо правильно есть спагетти. Вилку держат в правой руке, а ложку в левой. Поддев две-три макаронины их поднимают на уровень груди и начинают наматывать постепенно опуская вилку к тарелке.

Я вечно путался в тонкостях гастрономического этикета и был уверен, что нож надо держать в правой руке, а шпатель в левой.

Мне тоже довелось угостить американцев в день геолога настоящим флотским борщом. Все были в восторге, но никак не могли запомнить название этого блюда. Они почему-то называли его «Hot vinaigrette» (горячий винегрет).

Стив ушел к Джонни пить виски, а я приступил к работе над очередной статьей.

Мне тоже предстояло устроить отвальную для китайских коллег и американцев. Не хотелось заказывать блюда на кухне, а приготовить их самому, с учетом китайской специфики продуктов, было сложно. И я решил приготовить узбекский плов и харчо. Для этих блюд имелись все

ингредиенты.

Но Лао Ся на отвальную прийти не смог, а У Ганьго куда-то уехал. Из китайцев присутствовали только повара и две вахтерши.

Узбекский плов и харчо удались на славу. Для всех эти блюда были в новинку. Американцы были просто удивлены советской кухней. Китайцам тоже понравилось.

На прощанье я рассказал американцам кулинарный анекдот и произнес двусмысленный тост:

– To beat weak it is ugly, and strong – it is dangerous! Let's drink for world peace! (Бить слабых некрасиво, а сильных – опасно! Так выпьем за мир во всем мире).

Накануне отъезда ко мне в номер пришел декан факультета полезных ископаемых Ся Вейхуа и с ним пожилой сурового вида китаец.

– Это начальник первого отдела Уханьского университета, – представил он своего спутника, – он хочет посмотреть геологические материалы, которые Вы с собой увозите. У нас так принято, – смущенно добавил Лао Ся.

– Пожалуйста, не смущайтесь, – я раскрыл собранный в дорогу чемодан и достал из него папки с геологическими материалами, – у нас тоже так принято.

– Вещи его не интересуют, только служебные материалы.

Я вышел в коридор и закурил трубку. Буквально через десять минут Лао Ся пригласил меня в комнату. Начальник первого отдела держал в руках несколько листков, которые мне не следовало вывозить из Китая. Так, всякая ерунда.

– Хао, хао, (хорошо, хорошо) – я жестами показал, что эти документы мне не нужны.

Утром черная университетская Волга отвезла меня на железнодорожный вокзал. Провожал меня Лао Ся.

– В этой прекрасной стране я похудел на девять килограммов. Это вес годовалого ребенка. Считайте, что я оставляю в Китае своего сына, – сказал я на прощанье.

Вернувшись домой я устроил для Лао Ся приглашение посетить Ленинградский университет, и он, наконец, приехал в Советский Союз. На геологическом факультете он прочитал несколько интересных лекций о рудоносных гранитах Китая.

В Пекине меня поселили в отдельной комнате общежития одного из университетов, где стажировались советские специалисты. За три дня до отъезда домой надо было написать краткий отчет о выполнении научной программы и посмотреть основные достопримечательности Пекина. На другой день, вернувшись с прогулки, обнаружил, что мой чемодан, тщательно собранный в дорогу в Ухани, явно перерыт. Я с пониманием относился к рвению и подозрительности компетентных органов, но правила приличия все же нужно соблюдать. Например, в Уханьском университете ни разу не заметил, что меня обыскивали, а тут работал какой-то стажер, который даже мои вещи в чемодане толком сложить не смог.

В комнате я жил один. Закончив составление отчета, завалился спать, так как завтра предстояло рано вставать. Обычно в шесть утра закрытая на ключ дверь бесцеремонно открывалась снаружи и в комнату заходили сразу три или четыре уборщицы, которые, совершенно не замечая постояльца, то есть меня, громко разговаривали между собой, смеялись и начинали уборку, подметая комнату и поднимая страшную пыль.

Как рассказывали наши специалисты, отучить китайцев от ранней утренней уборки в присутствии жильца им так и не удалось. Начальство, к которому они обращались, объясняло им, что в Китае так положено! По этому поводу

специалисты шутили, что российский сервис ненавязчивый, а китайский навязчивый.

Лежать в кровати в момент уборки очень неприятно. Я просыпался заранее, одевался и когда врывался китайский сервис, выходил с трубкой в коридор. При этом уборщицы обязательно наводили беспорядок на письменном столе перемешивая мои бумаги. И, полагаю, делали это не случайно.

Внутренний голос, который еще со школьной скамьи вечно подбивал меня на различные хохмы, предложил:

«Давай сделаем «лягушку», положим ее в конверт на столе, а утром посмотрим на реакцию этой старшей уборщицы, которая кричит на остальных и явно имеет еще и другую профессию. Наверняка полезет в конверт».

«А если ее от страха удар хватит, и меня посадят в китайскую тюрьму? Нет уж спасибо».

«У разведчиц должны быть стальные нервы, ни фиги с ней не случится, поорет маленько и все дела. И закалит свою психику».

Спорить с внутренним голосом бесполезно. Я встал на стул и снял с оконного карниза металлическое кольцо, на котором крепилась занавеска. Из днища пивной алюминиевой банки ножницами вырезал кружок размером вдвое меньше внутреннего диаметра кольца и сделал в нем два параллельных надреза до середины. Плоскую резинку из трусов, натянул и закрепил поперек кольца и надрезами надел на нее кружок. Если закрутить кружок, то резинка сворачивалась в тугую жгут. Заложенная между страницами, такая «лягушка» выпрыгивала, как только книгу открывали. А если ее положить в конверт, то при попытке его открыть кружок под действием скрученной резины начал стремительно вращаться, и создавалось впечатление, что в бумаге трепещется что-то живое.

Зарядив лягушкой конверт, я положил его на стол и лег спать. Утром проснулся за пятнадцать минут до начала навязчивой уборки. Умылся и выпил чашку растворимого кофе. По коридору шли и громко разговаривали между собой уборщицы. Прежде чем они ввалились в комнату, я взял трубку и вышел в коридор.

Через пару минут за дверью раздался истерический визг и три уборщицы с метлами в руках, выскочив из комнаты, пробежали мимо меня.

«Подумали, наверное, что в конверте мышь. Женщины везде одинаковы. Ну, чего бояться мышей, таких пушистеньких и совершенно безобидных? Надо бояться дурных поступков!» – рассудил мой внутренний голос.

«Слава Богу, что все живы», – подумал я.

«Только компетентные органы все равно не поверят им, что ты прячешь в конвертах мышей, – рассудил мой внутренний голос, – так что жди сегодня профессионального и обстоятельного обыска».

Я снова зарядил конверт лягушкой, спрятал его в ящик письменного стола и отправился в посольство сдавать отчет. Вечером конверт лежал на месте точно в том положении, как я его оставил. И лягушка была на месте не разряженная.

«Могут же аккуратно работать, если сильно захотят», – подумал я.

И все-таки прокол был. Я закрутил кружок на пятнадцать оборотов, а при раскручивании их оказалось только тринадцать.

И вот, наконец, наш родной советский поезд дальнего следования. Специалисты возвращаются со стажировки. Все полны впечатлений от встречи с Китаем, но рады возвращению домой. В каждое купе с вежливой улыбкой заглядывала проводница и спрашивала:

– Иностранцы есть?

Везде отвечали, что нет. Она вышла в коридор и беспардонно крикнула второму проводнику:

Коля! Вырубай кондиционер! Тут одни наши!

Все поняли, что мы вступили в сферу нашего «ненавязчивого» сервиса.